

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ РЕКИ

2024

Содержание

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ РЕКИ

Счастливый конец реки	9
Ты, Мария, здесь не ходи	10
Ветер срывает птичек.....	11
Пахнет деревом, уютom, медом, воском	12
Уже прохладный ветерок	13
Дождь, как старый фильм	14
Осень – стеклянная дверь	16
Я во сне почувствовал любовь	17
Шепот подслушивать Господа	18
Дождь – не дождь, а небесный обстрел по косоy	19
Это молодо, это зелено	20
Сутки чéрез трое коротких суток.....	21
Кровь голубая в небе – совсем не наша.....	22
На что потратили снег?	23
Светит солнце ласковое, бледное	24
Небо всё еще голубое	25
Куда нас тянут эти дни?	26
Это вечное летучее.....	27
Сделать себе эспрессо	28
Выбирай себе зиму навек.....	29
Посмотри: мне идут или нет синяки под глазами?	30
Не противься жизни, она сама	31
Полгода я живу, полгода гибну.....	32
Стали слышней голоса	33
Все варианты в обороте.....	34
Пока мы не рассыпались, не сгнили.....	35
В яму жизни очередной рассвет	36

Кем ты стал? – Вниз изогнутой улицей.....	37
Обезвожены кающимся дождем.....	38
Летние дни теплы.....	39
Не вспоминай, что хотел рассказать.....	40
Сковало голубей аж до сердечка.....	41
Я стоял на замерзшей реке	42
Вся нараспашку – срез	43
Кто полуголый гуляет в квартире.....	44
Укройся мною и не спи.....	45
Он то знает, что он полковник	46
Боль, опустившись глубже.....	47
Когда покину эту лодку.....	48

ОТКУДА-ТО ЗНАЮ

Только страсти я поверю	51
Сон – вымытое поле.....	52
Какие будут версии себя?.....	53
Не выдавая боль, – про дождь и грязь.....	54
Осенью город прост	55
Человек – коробочка с секретом	56
Ночи не хватает на бессонницу.....	57
Если ждет глубокое забвенье	58
Цветком взрывается бутон	59
Так и внушаю, что холодно мне, а не жарко	60
Всё, что между нами, – стало плохо	61
Пьем свою воду пока и едим свой хлеб.....	62
Выставь войска прямиком на газетку.....	63
В небе столько собралось стай	64
Мы наконец-то вышли на простор	65
Сны – поле, ждет меня урожай.....	66

Поэт не настолько хорош.....	67
Подальше уйти от всего, что бесит	68
Обжигающие глубины	69
Господи, я ведь их всех хочу	70
В хрустальном воздухе весны	71
Я ненадежный попутчик.....	72
Оставь уже себя в покое	73
ДИПТИХ	74
На сигаретах, и на кофе	76
Облаков одуванчики.....	77
Звезды сошлись.....	78
Еще столько печали.....	79
Во мне живет еще тот человек.....	80
Мы дети какого угла пустыни?.....	81
Проглотила шар боли и... полетела.....	82
Мы здесь брезгуем, если не Winston курят	83
Когда был молод я, на выданье.....	84
Прямо на ветках готовился яблочный сидр	85
Остановился дождь на час, на два.....	86
Перегрузить ландшафт, тоску и снег	87
Пусть нас выложат рыбой на лед.....	88
В ритме прибоя спорить о многом	89
Болело ухо, я налил.....	90
Каждый из вас хватает пустой мешок	91

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ РЕКИ

Счастливым концом реки.
Жаль, в реке нет воды.
До последней строки,
Господи, доведи –
босиком по стеклу,
по червонным углям.
И огонь по стволу –
попыхнет – только глянь:
я здесь один такой,
или такие все?..
Между мной и тобой –
нет воды, только свет.

*«Ты, Мария, гибнущим подмога.
...Уходи, уйди, еще побудь.»*

О. М.

Ты, Мария, здесь не ходи,
здесь подмога нам не нужна.
Фронт невидимый находи
точно пыль на зеркале, на...

Битва где земли и воды,
праха с порохом – там война
ветра, что зимой на сады
нападает – со тьмой окна.

Ветер срывает птичек,
складывает в корзину.
Или рукою пылко
гладит свою осину:
будь, дорогая, сильной.
А остальным он тычет:
«Надо готовить зиму!..»
Солнце над лесопилкой
жжет стороною тыльной.

Порох листвы над пашней.
Вырванный воздух клоком,
хрип издавая, клекот –
тенью летит пропавшей.
Бледной березке челку
запихнув под косынку,
осень в крови по локоть,
ветер в дожде по елку –
перевернет корзинку.

Пахнет деревом, уютom, медом, воском –
домом... Скрыто марлей занавески
солнце в небе – бледная невеста,
а внизу – землей набитая повозка –

скарб – не ветренное сверху обещаье,
что земли повсюду будет вдоволь.
Покачнется солнце на прощанье
и невеста долго будет вдóвой.

Уже прохладный ветерок
вину пытается загладить.
Он забирается в листок,
во всю листву – ей скоро падать,
в слова – их смысл слишком крут,
под одеяло и рубашку.
Так осень входит в первый круг
и ловит мелкую рыбешку.
За ветерком – вода, огонь,..
права на всё... Не вздрогнешь: «Боже,
к чему весь этот балаган,
забраться чтобы мне под кожу?..»

Осень – стеклянная дверь
в резкую зиму –
настежь. Теперь –
душу разнимут
на листья, ветки, кору,
утро и вечер,
Выживешь – и поутру
дальше погонит всё ветер.

Скатит все яблоки вбок –
с поля на скатерть.
Мы похрустим ими впрок –
сколько не скатит.
До непрозрачного дна
время разбавлено плохо –
и не из меди и льна –
осень – из крови и плоти.

Я во сне почувствовал любовь,
дрожь непроходящую в коленях.
Темный свет стал ярк и лилов.
Зов души откликнулся в аллеях.

Будто я любимую держал,
прикасался к воздуху губами.
Мир бездонно всхлипывал, дрожал,
расходился плавными кругами.

Может, я не видел глубину,
может, я не понял, не представил:
если поцелую, обниму,
если притяжение без правил;

И закона нет над этим всем,
и любовь мелодией нестройной...
Воздух возбужденный между стен
и в аллеях ветер непристойный.

Шепот подслушивать Господа –
переговорами ветра с водой...
Или же свой слышать... В оспинах
зимние яблоки падают вниз головой –
бум-бум – об землю косную
светлую частью, взятой у прошлого с той
стороны, что была светоносною...
С ночью смешаться, с тобой.
Шепотом, только послушай... –
Кроме любви не ждем ничего.
То с темной она стороны – не с лучшей,
то с той, где отчётливей шепот его...

Дождь – не дождь, а небесный обстрел по косо́й, –
брызги стекол по комнате.
А интрига была, да еще и какой,
а конец вышел скомканный.

Даже глупости делали мы по любви,
а иначе б не вынесли.
И в конце – пусть короткой, последней главы, –
ни малейшего вымысла. –

Мы опустимся глубже под ветра притопа...
Дождь польет по касательной,
губ моих не касаясь, но щупая лоб
каждой каплей спасательной.

Это молодо, это зелено.
Это жёлто и сухо так.
Новой осенью время сделано,
разве этого все хотят?.. —

Прошлогодней травую вскакивать
и без дырочек флейтой петь,
на Луну улетать собакою —
кто такого бы стал хотеть?..

Будем вечными и зелеными,
а не теми, кем вышло быть.
Не усталыми, обозленными
от надуманных войн и битв.

Седина — если желтым в бороду
или красным зальет листву.
Это зелено, это молодо —
как положено естеству!

Сутки чéрез трое коротких суток
переходим в пар и почти не помним:
сколько чувств, невысказанных по сути, –
сколько слов – от светлых до самых темных.

И без слов не вспомним в садах небесных:
по земле мели как, светло горели.
Тенью душ соскальзывали с отвесных
тел – красиво и так высоко без цели.

Протяни мне руку, открой мне сердце,
время выдай новое хоть по ссудам.
Сохрани слова, что могли стереться,
не забудь их – даже, когда забудем.

Кровь голубая в небе – совсем не наша.
Наша – в корнях в земле еще только стынет,
красным дождем стекая, стеклом для чаши.
Души без тел возносятся пеплом синим.

Тянется к самому богу багровый стебель.
Воины райские зреют, а не... цветочки.
И отвечает бог то с земли, то с неба,
гонит по венам листьев густые строчки.

На что потратили снег? –
На окна печатью,
желаний вагон во сне,
страсти край непочатый.

Еще – на холод внутри,
на пустую воду:
кипяти, вари, –
загустевает, вроде;

На кислый и сладкий лед,
белых пятен поле...
На сомнения: что пройдет
до, что после боли...

Светит солнце ласковое, бледное,
прячется за веером ветвей.
И тепло холодное, победное
тратит в безысходности своей.

Или я не чувствую уставшую
руку твою, Господи, что с ней? –
Или жизнь становится нестрашною,
и не пробирает до костей?..

Всё, чем мы богаты, – люди-нелюди,
будто я и сам не человек,
Господи, скрепи теплом и наледью,
дрожью напоследок губ и век.

Небо всё еще голубое,
трава зеленая.
Сомневаюсь опять: кто я здесь? –
Душа уязвленная? –
«Даждь нам днесь!»
Яма глубокая,
солнце маленькое,
облако блеет козленочком,
как сыночек маменькин
в точках зеленочки.
Даждь мне точку опоры!
Или две – в худшем случае.
Небо, – не бойся! –
душа под прикрытием.
Время тянет орбиту
перед прибытием
нового неба с тучами.

Куда нас тянут эти дни? –
Растянемся и мы за ними.
И небо скудное саднит
гладь неостывшего залива.

И время – мертвое на вид.
Что, пали Будапешт и Прага? –
Нет! – Отражение знобит,
у зеркала своя здесь правда.

Но я не вижу путь иной,
а все другие лучше видят –
как проливается виной,
что переполнено обидой.

Это вечное летучее,
остающееся в нас.
То тяжелое, не лучшее –
сыплет искрами из глаз;
То уставшее от нервов,
по размеру в самый раз, –
что притягивает небо,
улетуч-чи-ва-ясь...

Сделать себе эспresso,
ночь позади пустая.
На глубине пореза
слюни снежок пускает.

На глубине бессонной
что успокоит сердце?
Гаммой шестистонной
черное время съестся.

Дальше – без интереса.
Вылет шоссе пустыми...
Вилью во тьму эспresso –
пусть оно там остынет.

Выбирай себе зиму навек
и не жди, пока время утащит.
Ты увидишь сквозь щелочки век,
что там дальше в моменте кричащем.

В расширяемых светом зрачках,
столько боли застыло, осело.
Не вмещается больше ни страх,
ни любовь – перекрестным обстрелом.

Выбирайся из снега вокруг.
Притворись огоньком папиросным –
не дрожащим от холода рук,
а блуждающим в мире морозном.

Посмотри: мне идут или нет синяки под глазами?
Или борозды лба? – Время сеять, а, может быть, жать.
Снег натянут на остов, пора бы разбить эту зámеть.
И с ножа есть кусочками жизнь, и снежок есть с ножа.
С веток пить ледяную, нет, кровь леденящую, воду.
До печенок промерзнуть, но жизнь протолкнуть в новый год.
Пусть плетется другая судьба, сжатый мелется воздух,
и снежит – о, мой бог, и не жить или жить?.. – oh my god!

Не противься жизни, она сама –
облака и ямы.
И течет легко, не сводя с ума
отними-годами.

Будь как рыба в ней, на рябой воде
да исчезнет имя.
И не жаль его, нет давно свиде-
телей у любимых.

Небо всех отвергло, и птичий рой
с юга лег на север.
Растворимся в нем, и, теряя строй
в ледяном посеве

кисоперых звезд, свет их нанизав
в пытке невозвратной, –
долетим до бога и вновь назад –
в легкий путь обратный.

Полгода я живу, полгода гибну.
Зимою – камень, летом и весной –
в косички заплетаю неба гриву,
трясу дождем, киваю трын-травой.
И высыхают каменные слезы,
скукоживается ледяная суша.
Не серо всё, как будто ходишь лежа,
и старую историю прослушал,
а – солнечно – смерть всем левиафанам!
Горячий день, и жизнь совсем другая
до неба бьет распушенным фонтаном,
огонь невыносимый раздувая.

Стали слышней голоса
передающих привет.
Снег залетает в глаза,
прыгает с ветви на ветвь.

На высоте его жгут
тысячеликие дни.
И светом быть не дают
в этих краях ледяных.

Он еще выше летит,
будто скрываясь от всех,
чтобы поток теплоты
шел – сверху вниз,
снизу вверх.

Все варианты в обороте,
и лучший совпадает с худшим.
Мы звери «за» и твари «против» –
в зародыше себя задушим
тоской о невозможном прошлом
и будущем, но путь отыщем.
И я о смысле жизни спрошен
одним из первых в каждой тыще,
но не сейчас, намного раньше –
знакомым голосом казенным...
И не убит, а только ранен,
упрямым заменен козленком.

Сестре

Пока мы не рассыпались, не сгнили,
давай встречаться хоть посередине, —
где море лилий на квадратной миле
и красное драже в ветвях рябины,
на острие, на островах бесстыжих, —
да не убьет нас свет от звезд не алых!..
По морю, аки посуху, на лыжах,
Суворова стыдя на перевалах, —
придем туда, где холодок приятный
из приоткрытой в ожиданье пасти;
И скомканный в руке билет обратный —
пока нас не порвет судьба на части...

В яму жизни очередной рассвет
выльет помои.
Зимнее утро – тот еще снеговед –
белые точки соединит прямою.

Вот он, долгожданный джекпот
времени – невозвратный.
Кто здесь выжил, без труда доживет
до стороны обратной.

Кем ты стал? – Вниз изогнутой улицей,
домом с окнами не на проспект?..
Повернись к лесу, будь уже умницей,
и увидишь всё-всё на просвет.

Это я – тьма, идущая с севера,
покрываю всё льдом за тобой.
...Станешь полем цветущего клевера,
мотыльковой над ним темнотой.

Обезвожены кающим дождем,
обессилены прошлым снега.
Никуда – мы, кажется, не дойдем,
провалившись на землю с неба.

Убыстря снежную круговерть,
шаг деревьев тройной с кустами.
Нам вода диктует: «Земля есть твердь...» –
и меняется с ней местами.

Летние дни теплы,
зимние – горячее.
Солнце из-под полы
жжет грачей –
улетели.

Но вернутся под вечер
марта или апреля.
Прелесть, что снег не вечен,
слишком уж потеплело.

Вижу, что умирает, –
страшно... Ему не страшно...
Скрипнут ворота рая:
«Кто там?» –
«Снежок вчерашний!..»

Не вспоминай, что хотел рассказать.
И без того – всё нормально, всё «ок!».
Помни: читал, начинал осязать
пух тополиный, пыльцу, сонный слог...
Классик глядел далеко, видел в дивном соку...
Шел по веранде, нет, – палубе слов босиком.
Как хорошо, что забыл книгу целую или строку.
Можно представить,.. присыпать искрящим песком,..
проковырять в стенке дырку и в листике карандашом.
Как всё скрипит на ходу, как песочек скрипит...
Выйду на палубу под ветерок нагишом.
Белое солнце. Бумага. Графит.

Сковало голубей аж до сердечка –
зимой не гадят... Мост не нужен через,
накрывшуюся кожей льдиной, речку.
Прищурившись, зима сжимает череп.
Я ею поврежден? – Не даст ответа...
Воюю столько лет... – Не скажет вольно...
Где голубь, где оливковая ветка?.. –
Не выбирал войну, веду все войны.
От холода и от тепла всё то же –
сжат мозг в кулак, а сердце сжато крепче
и гонит кровь... Кровь подступает позже.
...Кто жар ее глотнет – вернет дар речи.

Я стоял на замерзшей реке –
лед светился до самого дна,
как натертый до блеска паркет,
пересыпанный крошкой льда.

Я стоял на расколоте льду,
на хрустящей реке я стоял
в самом первом небесном году
от второго начала начал.

Ожидая – взорвутся года
и засыпят осколками льда!
И поднимутся люди со дна
в тот же день после судного дня.

Вся нараспашку – срез –
всем видно
душу кровящую, стресс,
небо и дно...

Страшно смотреть –
вот, на –
смотри, чтоб не умереть
бесповоротно.

Кто полуголый гуляет в квартире,
шарит по полкам, не чувствуя меры,
продолговат, но в объеме не шире,
в окна не вписывается и в двери?..

Здесь головою, ногами в кювете.
Жив и не жив. Как и все, малость в коме.
С ним обменялись телами, чтоб ветер
все привиденья вымел из комнат.

Вот я снаружи, не хуже, чем прежде.
Светится шелковая рубаха.
Свет с темнотою друг друга порежут,
их ветерок оживит кострубатый.

Три стука в зеркало, в двери три стука.
Нас на ту сторону вряд ли пропустят.
Слышишь стук сердца? – Не слышу ни звука –
бьются безудержно пусто и пусто.

Укройся мною и не спи...
С такую версией событий –
мы в золотой живем степи
счастливой жизнью позабытой.

Пусть прошлое воздаст сполна
и ночью восстает из праха.
Не спи, – защищена спина,
оглядывайся без страха.

С такую версией меня –
комком не подступает горе,
и слезы вспышками огня
не выжигают степь и море.

Он то знает, что он полковник, –
хоть записан как рядовой.
С твердой памятью родовой
обживает родной клоповник.

Побеждает свое нытье,
взяв жену с небольшим приданым
и детьми – все они ее.
Обойтись только сверху данным? –

Пусть не вознаградит сполна,
пробиваясь вперед с боями,
потому что лишь тьма за нами –
ночи, вышедшей из окна.

Боль, опустившись глубже,
свежей осталась раной.
То ли дорога уже,
то ли движенье рвано.

Жизнь, как счастливый случай, –
время его не лечит.
Завтра должно стать лучше,
дальше должно быть легче.

Дайте мне больше света –
это контрастный снимок:
птицы сорвались с веток,
всё улетело с ними.

Когда покину эту лодку,
мой бог, какую будет суша?..
Наклонит голубок голову –
он знает, что война и стужа,
любовь и смерть составят цену,
и не спешит оставить лодку...
Пройду насквозь волну и пену,
и голод не растравит глотку –
он внутренний, глядит наружу,
выходит неба круговертью.
Я предал море, выбрал сушу, –
оливковой пленившись ветвью.

ОТКУДА-ТО ЗНАЮ

Только страсти я поверю,
в жертву – сразу королем,
в невозвратные потери
и отчаянье во всем.

Только в то, что убивает,
разрушает напрочь дом;
связи наши обрывает
навсегда – стоит на том.

Время в боевой окраске
к краю подведет меня.
Мне не в небо в серой ряске –
мне в огонь того огня –

все презревшего помехи,
чтоб отчаянье не в счет.
Настоящее – лишь эхом
незажившего течет.

Сон – вымытое поле,
бессонница – окоп.
От потолка до пола –
три метра, слов потоп.

Но схлопнутся упрямо –
и вечных снов ответ.
Здесь слили воздух пряный
и высосали свет.

Перепахали взрывы
сон всех по этажу.
Пусть спят и будут живы,
пока я не скажу.

Не поздно и не рано,
но время потому
приходит, насмерть раня,
ко всем по одному.

Какие будут версии себя? –
Сухая опись, перечень событий:
родился, вырос... Дальше (веришь сам), –
ты вымысел... небритый и небитый.
Ты – блеф, ты стопроцентный стыд и срам.
Из этого не сложится судьба.

Живи и дальше – это ведь успех.
И собирай по мелочам картину:
там труп, там капли крови и... дождя.
Следы ведут на небо и не стынют.
И полной смерти надо подождать.
Не наспех так, а взвешено для всех.

Самоубийца ты и... – детектив –
лжешь потому себе особо гладко,
вкус изощряя тонкий, слух и нюх
на боль и стыд. Но тут и там накладки
и нестыковки. И не тело – дух
прочь первым, избегая инвектив.

Не выдавая боль, – про дождь и грязь,
скрывая страх, – про урожай и лужи.
Перевирая ложь и в этот раз,
про свет внутри – растекшийся снаружи;

снег в глубине – стоячий день в окне,
вопрос – ответ, не мучает который,
но портит нас. В конце придет ко мне
гонец уставший из нежилконторы.

В нем та же морось, а не гибкий снег,
в нем темноту не вытравить из света.
Он тоже видит всякое во сне,
но просыпаясь, помнит только это.

Осенью город прост –
вытянулся и спит
на перекрестке – в рост
вдоль тополей и пихт.

Парки собрав, леса –
в круг, в типовой квадрат
времени, колеса,
будто семи он врат.

Встанет во сне бульвар,
сбросив Луну во тьму.
Выдержит Боливар –
дай только шанс ему.

Выйду в окно двери
с той стороны стены.
Господи, говори
сквозь облака и сны;

Сквозь тишину воды,
воздуха ерунду.
Выйду на свет звезды –
выбери мне звезду,

чтобы ее лучи,
выжгли и боль, и стыд.
Господи, не молчи,
прячься в свои кусты.

Человек – коробочка с секретом –
но кому он нужен, твой секрет?.. –
Спрятался в шкафу, стоит скелетом,
смяв в костяшках пачку сигарет.

В легких его – дым воспоминаний,
вихри злые – в недрах головы.
Он объят одной из главных маний –
манией жить дальше, но, увы... –

Онемел, наевшись темнотою,
испугался смерти кувырка.
Обморочной памяти водою
обмочился весь, наверняка!

И стоит в шкафу полураздетым,
кожаными куртками согрет.
Дырочки, прожженные секретом,
зашивая дымом сигарет.

Ночи не хватает на бессонницу.
Легкий запах мускуса втяну.
Резанут слова и не запомнятся,
унесут меня в сухую тьму.

Будет снова горько и невесело...
Страх устанет хлопать по плечу,
чтобы ночь меня уравновесила,
боль ушла – я больше не хочу...

Ночь столкнет и – покачусь ступенями
в никуда, в другой кромешный круг.
где задушит хладнокровно тенями
тьма иная, вырвавшись из рук.

Если ждет глубокое забвенье,
пусть литературные друзья
вкус не испытают избавленья,
перед носом правдою тряся;

Если расчленят нас вкусом тонким,
потому что мы, а не они
не оставим выбора потомкам,
что им знать о нас, а что ни-ни, —

вспомни: как мы жили, что мы пили,
сколько полегло у наших ног.
Как не раз мы сдали Фермопилы
и не приукрасили итог.

Цветком взрывается бутон,
летит безбожно быстро
в набитом каплями битком
пространстве серебристом.

А небо точит свой кинжал
о темное начало...
Он высоту снижал, снижал,
пока не укачало.

Блестящий дождик по косою,
на суше меньше качка.
Мы здесь под мухой, под осой,
под током на карачках

заждались нового витка,
чтобы расправить плечи.
Цветка летает голова,
как будто человечья.

Так и внушаю, что холодно мне, а не жарко,
и не погасли холмы ледяные и горки...
Я поскользился бы по ребрам поломанным парка
имени XXII съезда*, не имени Горького.

Вот и еще одна тень забрела на страницу,
как суеверие, встав на раскрытую книгу.
То ли упавший – желаю подняться, проститься,
то ли вернуться – озлобленным духом по Кингу.

Блеск ещё жив горок тех, до конца не остыли,
просто скользить, прочитать успевая таблички
павших деревьев, напали на них будто с тыла, –
сломаны или свое потеряли обличье.

И я почти что привык к этой боли и к тени
тонкого света скользящего. Он без надреза
душу мне лечит и прочие хитросплетенья,
или внушает, что лечит, – прощай, мать Тереза.

*Парк имени XXII съезда – в Киеве.

Всё, что между нами, – стало плохо.
И ничто плохое не забыто.
Та любовь – на самой грани вдоха –
черною материей забита.

Время в мелких яблоках и каплях
добавляло зыбкие минуты,
что небесной музыкою пахли,
а теперь насквозь темны и мутны.

Как же соберётся воедино
та любовь – на грани, без подвоха,
что была так долго невредима,
неделима выдохом и вдохом...

Пьем свою воду пока и едим свой хлеб,
в душу влетают осколки жизни и вязнут.
Что ты сказала? – Не слушал я столько лет.
Что я ответил? – Когда это было важно...

Яства цветные, кругами – и племс, и знать,
располагаясь картинно, гремят посудой.
Жизни разлиты по чашам, и сверху знак
всем подает один из верховных судей.

...Это же наша кухня, где по углам –
тени, а за столом мы – еще не тени –
делим и страх ночной, и свет пополам,
и раздвигаем жизни свои, как стены.

Выставь войска прямиком на газетку:
водку, огурчики, шпроты и прочее.
Смотрим в глаза мне, как будто в розетку,
(мы в поединке, едим или потчуем) –
время включится – ток требую срочно! –
остро понижит телесное тесто.
И поплывут по газете построчно
рижские шпроты жирнеющим текстом.

Масло как музыка мелкого шрифта,
жалкого смысла – и сверху и снизу
льется... И слышится мне Рио-Рита,
напрочь туманной души вокализы.
Льется как песня, и пьем, не старея,
или живем точно так же, запойно.
На 45, 77, и быстрее –
сверхоборотах – я время запомню.

В небе столько собралось стай,
что доносятся крыльев всплески.
Я тебе говорил: летай! –
ты смотрела на занавески.

Будит свет, как слепых котят.
Прозреваем и снова слепнем.
И свиваются и летят
тени в танце великолепном.

Дернешь тень, упадет она
на окно, на белок яичный, –
не смотри в глубину окна,
вылупляйся на свет вторичный.

Полетим, вниз смотря и вверх. –
Видишь, сколько мы пропустили
и полей, и лесов, и рек,
и весь шелковый путь пустыни. –

Не сорвем с неба все слои:
кто здесь люди и кто здесь птицы,
кто чужие и кто свои? –
Невозможно не ошибиться.

Не пойдем путь, хотя б частично,
не сорвав слой небес и дерна.
Занавески едва задерну –
ты стоишь в опереньи птичьем.

Мы наконец-то вышли на простор.
Качает время палубу-веранду.
Просвечиванье платьев или штор
всё призрачнее делает команду.

И ветер строг, а воздух в кружевах –
кивает, точно всем дает отмашку:
«*Спокойствие!..*» Бунтует в головах
мед загустевший с чаем из ромашки.

Я вижу: набираем вес, объем,
с поверхности соскальзываем в ящик,
где небо в черном, а не в голубом,
в пушке от одуванчиков летящих.

Сны – поле, ждет меня урожай
поздней низкосортной пшеницы,
Господи, только не угрожай,
что зерна гудящие – выключают птицы.

Что послано было как радость – иным
доходит – как видишь, мы с этим не ладим.
Так время становится ледяным
задолго до... – под пристальным взглядом.

Как-будто назначены нам те же дни,
в которые снег неустойчив и шаток.
И тени важнее, хотя не видны,
на всем недосмотренных снов отпечаток.

Поэт не настолько хорош,
как миф о поэте.
За этим углом он пил, а тут покупал крокеты.
Зависимость ставил ни в грош,
но виски любил и женщин, что принимали это.

Время идет, стихи читаются реже.
Не разберешь, о каком они побережье,
о набережной скользкой в туманах,
о людях скольких во временах негуманных,
о женщинах или о виски? – Виски всё те же.

Миф продолжается мухой на ленте липкой,
в лаве янтарной речи сухой улиткой,
которая ела реальность, слизь выдавая за блюдо,
за промысел божий – свой опыт хлипкий,
и за любовь – нелюбовь, что почти обоюдна.

Подальше уйти от всего, что бесит,
четвертую похоронив собаку.
Жить можно. А боль – это тоже брексит –
внушаю последнему псу-собрату.

Глаза у него прилива-отлива,
маслом облитого чернослива.
Груз повторяющихся ошибок –
я не меняю собак на рыбок.

Моя жизнь длиннее одной собачьей.
Четыре тени в моей упряжке.
Мы с пятой вместе курнем по пачке –
легко смертельно, но тоже тяжело.

Помчимся – да хоть на Южный полюс!
И сплаваем – да хоть на снежной глыбе! –
По небу седому, рябому полю,
морю, где рыбам одна погибель.

*«Казалось мы живем в раю,
а жили на краю...»*

Обжигающие глубины.
Унижающие высоты.
Пассажиры второй кабины –
(в первой дети или пилоты) –
уважаемые пассажиры:
сверху ад, снизу крыша мира.
Просветление тех, кто живы,
все увидят через... четыре,
три... ну, да, – ожиданье точно,
окончательно и конечно.
Те, кто хочет остаться вечно,
те, кто выйти хотят досрочно –
видят разное... Буквы мельче,
то светлей, то темнее вещи.
Не навязчив и не изменчив,
но сравнить, по большому, не с чем, –
рай. Кто сравнивают – не могут
не признать, чем оно чревато...
Вот, осталось любви немного,
а казалось надолго хватит.

Господи, я ведь их всех хочу.
Сам убедись, как они магнитят.
Ставь надо мною свою свечу,
только не дергай вот так за нити.

Он оборвутся и сами, когда
ты отвернешься, а я не проверю.
Вдогонку бросятся камни, вода –
это, Господи, полумеры.

А я всё хочу... Без тебя начну...
Давай, заноси надо мной свою руку.
Будь добр: опять предложи ничью,
терпим будь, вбивая свою науку.

В хрустальном воздухе весны
еще тяжелые деревья –
в цвету. Куда несут они
свет переливчатый и древний?
На гранях капель и коры
играет он – небесно-синий.
И открываются миры
другой невероятной силы.

Долгоиграющей весной
или весной краткосрочной –
жизнь закругляет нас в одной
тяжелой ветви, жаль, побочной.
Но радоваться, что цветом,
хоть и бледнее год за годом,
не позволяет – не войдём,
покурим нервно перед входом.

Я ненадежный попутчик,
медленный путаный путник.
Среди травы и колючек
не нахожу я свой ключик.

Так я свистел в него звонко,
чтобы казаться всех круче...
От музыкальной возгонки,
пьяные плакали тучи.

Это не новая притча:
бог посылает попутку
и водяное каприччо –
чтобы нас дождь не попутал;

Чтобы мне стало теплее –
солнца осколок отбитый...
На честном слове, не клее,
держимся мы на орбите.

Мы насекомые птицы
и перелетные совы.
...Три ненадежных сестрицы
пряли последнее слово.

Страшную звали Ирина,
двое близняшек получше.
Пахнет травой, розмарином...
Ключик назад не получишь.

Оставь уже себя в покое.
Рисунок музыки прими.
Пусть завораживает море
в обхват небесной бахромы.

Как будто это что-то значит,
но непонятно никому.
И музыка звучит иначе –
прими – и я ее приму.

Полуденный еще в ней шелест
наложится на рваный ритм.
И безударно, еле-еле
мне слышно, если повторит.

Но умолкает быстро слишком,
готовя нас к себе самим.
И неба мне уже не слышно
и море выглядит немым.

ДИПТИХ

Луису Майеру

Так и слышу, сказал он: «Всё ерунда...».
Ушли и великие, и никакие.
Жизнь безразмерна –
провисла вода,
продавлено время –
тоже стихия.

Еще радуется небо – большой экран! –
Прибытые поезда в прежнем виде
на станцию... Ленина.
Пассажиры не видно, стоп-кран
дернут темные индивиды
нового поколения.

В некрологе всего пара обидных слов,
в остальном замечательно:
жены, карьера, дети...
Вначале всё было из черно-белых снов,
потом из цветных, (*мечтательно*) –
«Где это всё?.. » – Где-то

есть, продолжается, в целом, старенькое кино...
«Какая же ерунда...» – и поставить точку.
Порван экран, поезд загнан в депо.
Всё в кленовом сиропе,
время машет платочком.
Монтаж дерьмо...

-

Монтаж дерьмо: вначале смерть,
потом по порядку –
родился, вырос...
Цель по рукоятку
жизнь вонзится чуть позже –

душа на вынос.

Толпою страхи –
что вот-вот меня забудут,
а я всё помню:
как начиналось, не сразу крахом
кончилось полным...
Всё поменять местами,
музыку другую –
не грустную, пусть ретро.
Пусть интригует
порывами судьбы и ветра.

Пусть режиссер неправ,
актеры т́пы
Здесь не актеры –
тех бы я узнал, а эти – трупы.
Кричит главреж: «Мотор!» –
но нет мотора.

На сигаретах, и на кофе,
плохих вестях;
Сиваше или Перекопе,
на всех местах;
На стульях – их двенадцать снова –
на двух хотя б;
На том, что быть могло основой, –
но не хотят...

Облаков одуванчики,
пережившие встряску,
как лохматые мальчики,
не надевшие каску.

По ушам лопоухим
бьет холодная сечка.
Серым прахом и пухом –
облака и сердечки.

И не спросят: куда ж вы? –
кучевые у перистых.
Погребенные заживо,
входят в небо империи –

то в трэфное паленое,
то в белесое пресное...
Облака приземленные
над землю небесною.

Звезды сошлись –
видишь дорожку?
Передаёт каждый лист
свет понемножку.

Виден светящийся путь,
как в эстафете.
Передается нам суть
при этом свете –

веточкой в каплях дождя,
горстью песка, что не тает...
И до последнего дня
рано светает.

Еще столько печали...
Густеющий свет
ненадежен вначале,
а потом даже мягок и не виноват,
что на нем мы сгорели,
и назад ничего не отвоевать.
даже если б хотели.

Не зловещ этот свет.
Небом, мокрой травой –
был он здесь и до нас и до всех.
И казался не светом, а сверх-
темнотою.
Падал с ветви на ветвь.

Ночи будут ещё тяжелы,
дней увечных не легче.
И печальные горсти земли... –
светом вечным –
в уголках той травы, тех ветвей,
влажных перышках птицы –
вспыхнут – сделав светлей.
Солнце выхватит капли, как лица.

Во мне живет еще тот человек,
тот киевский подкидыш, кукушонок...
В нем из груди холмов бьет Лавры свет,
а солнечный не спорит искусенно.

В нем у реки в притоках – море слёз,
он столько раз входил, не беспокоясь, –
всё в то же время. Ивы тыщей лоз
схватить хотят его за грудь, за пояс.

Рассыплется каштанами бульвар.
В какой руке – он спросит – нет каштана?
Он машет левой, ждет меня у Льва*.
А правую – бесстрашно в пасть фонтана.

*Самсон и лев – фонтан

Мы дети какого угла пустыни? –
Который смотрит строго на море?
Липким песочком в себя впусти нас,
паникой вечной Содома с Гоморрой.

Мокрые губы заката. И замер
ветер, размачивая ресницы
каплями с неба. Бога слезами
светятся загустевшие лица.

Спасибо любимым, что были моими.
Что всех одинаково смерть нас не мѣнет.
До края докатываемся пустыни,
застыв как невзорванные мины.

Падают с неба сухие числа,
в моря прощальный вживляясь тремор.
И небо светится так же чисто,
как будто не испоганили время.

Проглотила шар боли и... полетела
без поцелуя, а как же без?
И полдуши моих и полтела
стали воздушны, отбросив вес.

Я за тобою лечу вдогонку –
высоко же нас занесло.
Небо охотно, земля легонько –
гонит дальше – ни чувств, ни слов.

Ты красиво свернулась в точку.
Но не точка ты, а цветок.
Лепестки – твоя оболочка,
мы, надеюсь, не на восток.

Одиноко на тех широтах
после высшей школы морей.
На Летейских стоит воротах,
не пуская, воздушный змей.

Мы здесь брезгуем, если не Winston курят,
а дымят какой-то дешевой дрянью;
И не пьют дерущий, а на смех курам,
сладковатый виски – вообще за гранью.

Пусть дерет же глотки, как нас не драли.
Им луженым всё нипочем резонно.
Время наше – в связке лоскутной дали
с морем буйным в ямах до горизонта.

Без изысков мне, да хоть белый виски –
чтобы нас врасплох, на испуг не взяли
ни судьба, ни время – схватив по-свински –
ни в углу кровати, ни в тронном зале;

Не прибили к стулу тупой моралью,
оставляя дырки в висках, в ладонях.
Мы здесь брезгуем всеми, кто умирали
только раз, когда счет идет в миллионах.

Когда был молод я, на выданье,
но бог меня не выдавал,
я пил вино из стран невиданных,
пьянел, но вид не подавал.

Трезв головой, а ноги пьяные
несли открыть входную дверь.
Там панночка, как роза пряная,
она в Америке теперь.

А я не жил тогда в Израиле.
Ждала ты честно впереди.
И пил вино души израненой,
а не дешевое Аи

с одною из колена Гадова,
а не из жалкого ребра,
что обещала только радовать.
Так радуй, радуй – будь добра!

Прямо на ветках готовился яблочный сидр.
И охлажденный октябрь бредил в яблоках сочных.
Тянется к небу, уже бывший садом, пустырь,
переживая другую жизнь с ветром песочным.

Воспоминания перебрадили давно,
стали игристыми снами, словами из пыли.
Сладкой печали с горчинкой – сухое вино,
горькой любви с ноткой меда – мы реки испили.

Остановился дождь на час, на два,
заигрывает света кренделями
с деревьями, упитыми в дрова,
с поддельными людьми за их делами.

Не защитит их углекислый газ –
дождь всех очистит, погружая в грязи.
Он хочет быть крутым на этот раз,
избавить от безоблачной заразы,

размокшей корки в луже, слёз комка...
Я видел его мертвым в сотнях вади*.
Обвисли струи, сдулись облака.
Не спросишь у него: чего же ради?

Растянемся блестящей бороздой,
прорежены густым воздушным сито.
И так легко дышать святой водой,
холодным светом оставаясь сыты.

*Вади – сухое русло реки

Перегрузить ландшафт, тоску и снег,
кремнистый путь наматывать кругами.
Пусть блестит костями. С первых – нет,
но, начиная с нас, берут деньгами
за переход, за черный выход-вход,
за магию и за разоблаченье –
профессора (враги не гибких хорд)
и лекторы союзного значенья
из общества «Незнание». Знание – вред!
Рассыпаться в нем древнюю пылью –
блестеть во тьме. Доходит божий свет
на сто лет с опозданием и тоскою.
Потрескивают звезды, ночь длинна.
Кровоточит душа и камни точит.
Светает? – Нет! Огромная Луна
бомбит сознание миллионом точек.

Пусть нас выложат рыбой на лед
отдышаться от плюса под сорок.
В этот год, от которого год
и – конец – приближается скоро...

Это год, от которого Лот
отсчитал и поднялся повыше.
Для себя он наметил полет,
для других – освежиться он вышел

до ближайшей подземной реки...
Откололся от вялого стада
и поднялся на холм вопреки
недовольству собой и досаде.

Видит неба разъятую плоть
и песка незажившие раны.
Видит: та, что слезу не прольет,
золотого целует барана.

В ритме прибоя спорить о многом.
Камни во рту, пенные облака.
Превратясь в восьмирукого осьминога,
мир держать крепко за морские бока.

Волны считать бушующего кагора,
где пенопряды волн слушают песнь сирен.
И превратясь в кита, уносящего город
на глубину – вода там ещё сырей.

Эхом в стереоустановке звука и цвета
слушаю океан и душа цела,
пойманная водой, отражающей гибель света
и начало всеобщей тьмы, что пышно так расцвела.

Болело ухо, я налил
в него немного яду.
Он крови реку отравил,
протек в глубины ада,

где призраки сильней моих
об участи судачат,
на горках стоя костяных
и на местах сидячих.

Отец, я сам уж бел как мел,
во сне являюсь многим.
Никто из них не тверд, не смел,
но и не ждет подмоги...

Каждый из вас хватает пустой мешок
и собирает воду, лепешки луж.
Не заведет, играя нечестно, в глушь –
свет одуревший, прелой земли запашок;

Да не прольются ливнем слова ни о чем,
солнце когда прорвет мешковину дня.
Сами в мешок забрались бы – он без дна –
вместе со всеми, с ангелом за плечом.

Завязывала вода дождевым узлом,
тащила, не веря, как будто себе назло –
до края земли полный нас всех мешок,
до края земли – закончится где стишок...

ИЗЯСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ВИНТЕРМАН

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ РЕКИ
Стихотворения

E-mail: slava.winterman@gmail.com

<http://www.facebook.com/slava.winterman>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Винтерман>

